

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию

Бадеева Дениса Юрьевича

«Планировка средневекового Болгара (X – XV вв.)»,

представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.06 - археология

Диссертационная работа Бадеева Дениса Юрьевича «Планировка средневекового Болгара (X – XV вв.)» посвящена уникальному памятнику, который изучается учеными уже третье столетие. Несмотря на солидную историю изучения, автору диссертации удалось внести свой вклад в изучение одного из крупнейших средневековых городов Восточной Европы.

Работа Д.Ю. Бадеева состоит из введения, трех глав, заключения и двух приложений (таблица археологической составляющей базы данных для ГИС и каталог монументальных сооружений на территории Болгарского городища), списка источников и литературы, иллюстраций.

Во введении обоснована актуальность темы, освещена степень изученности темы, определены территориальные и хронологические рамки работы, предмет и объект исследования, обозначены цель и задачи работы, указан личный вклад автора в изучении темы, определена научная новизна и практическая значимость полученных результатов, изложены основные положения, выносимые на защиту.

Замечания в этом разделе вызывают лишь несколько моментов:

1) на с.5 автор, обосновывая развитие градостроительных традиций Волжской Булгарии в рамках традиций исламского Востока, отмечает: «... если государственность Волжской Булгарии была прервана в результате монгольского завоевания 1236 г. и включением ее в состав Золотой Орды, то

культурная традиция получила свое развитие благодаря сохранившимся городским центрам». Однако многолетние раскопки на памятниках домонгольской Волжской Болгарии убедительно свидетельствуют, что подавляющее большинство болгарских городов монгольского нашествия не переживают. Даже для уникального в этом плане Болгарского городища археологи уверенно фиксируют мощный слой пожарища, связанный с событиями 1236 года. О каких тогда сохранившихся городских центрах, повлиявших на дальнейшее развитие культурных традиций, идет речь?

2) Обосновывая актуальность темы исследования, на с.6 Д.Ю. Бадеев отмечает: «... исследование планировки средневекового Болгара позволит решить вопрос специфики городской культуры средневожских городских центров на продолжительном этапе исторического развития: раннебулгарского, домонгольского и золотоордынского периодов...». Однако, при всем уважении к диссертанту и проделанной им работе, вопроса специфики городской культуры средневожских городских центров на продолжительном этапе исторического развития в силу объективных причин на материалах одного памятника, даже такого уникального, как Болгарское городище, решить не удастся.

3) Приводя на с.6 в историографическом обзоре разработанную А.П. Смирновым и дополненную Т.А. Хлебниковой стратиграфическую шкалу Болгарского городища, которая позволяет связать любой участок исследования с определенным периодом в истории города, Д.Ю. Бадеев ее модернизирует в двух моментах: слой IV – золотоордынский период (середины XIII – первая половина XV вв.) вместо второй половины XIII – начала XV в. у Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1987. С. 45) и слои V–VI – домонгольские (X – 40-е гг. XIII вв.) вместо рубежа IX–X вв. без указания верхней границы (подразумевается 1236 г.) у Т.А. Хлебниковой (Хлебникова, 1987. С. 45), В данном случае мы видим отступление от датировки предшествующих исследователей, на которые дается ссылка в тексте

диссертации. Если датировки уточнены в результате собственных хронологических построений автора, то об этом необходимо было бы сказать отдельно и в другом разделе работы.

4) в разделе об источниковой базе исследования автор отмечает, что в письменных (нарративных) документах (записки арабских путешественников и географов, а также сведения из древнерусских летописей) содержатся лишь краткие упоминания о Болгаре, поэтому они будут рассматриваться в качестве вспомогательных (с.11). Однако при анализе автором раннего периода истории Болгар (X – начало XI в.) данные письменных источников практически не привлекаются. Хотелось бы обратить внимание автора диссертации на тот факт, что в наиболее полном из ранних арабских источников – книге Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 922 г. нет упоминаний не только о наличии у царя болгар столичного города с какой-либо четкой планировкой, но даже просто о наличии в его государстве каких-либо иных жилых домов, кроме юрт. Наверное, при анализе археологических материалов диссертанту стоило бы как-то прокомментировать и эти данные.

5) В основных положениях, выносимых на защиту, указано, что «Болгар золотоордынского периода (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.) имел смешанную планировку...» (с.13). Вероятно, в данном имеет место техническая ошибка, однако она повторена и в автореферате (с.12), что свидетельствует либо о невнимательности автора, либо о его особом взгляде на хронологию этого периода.

Первая глава диссертации посвящена динамике изменения городской территории средневекового Болгара. Во вводной части приводится краткая характеристика Болгарского городища. Затем автором выделяются основные этапы изменения городской территории на основе расположения и трассировки оборонительных линий домонгольского и золотоордынского

периодов. Для домонгольского периода в хронологии функционирования укреплений автор выделяет три этапа: 1 – ранние укрепления городища мысового типа (X – начала XI в.) с двумя линиями оборонительных сооружений и цитадель, образованная внутренней линией укреплений; 2 – окончательно оформляется система планировки города с двумя линиями укреплений (XI – XII вв.); 3 – дальнейшее расширение укрепленной части города в напольную сторону за счет включения незащищенных территорий посада. Автор отмечает, что в период с X по XIII вв. защищенная городская площадь увеличивается с 11 до 28 га.

Обобщая наработки в изучении ранних болгарских городов, а также опыт по определению ранних древнерусских городов, Д.Ю. Бадеев рассматривает имеющийся материал «в рамках археологического понятия «городская территория» – поселение с высокой плотностью населения, чаще всего укрепленное. Городская территория обладает следующими признаками: наличие синхронного по времени культурного слоя; присутствие развитого ремесленного производства; сформированная устойчивая планировочная структура; находки статусных вещей, свидетельствующих о присутствии феодальной элиты, которая олицетворяет собой политическую власть; проживание полиэтнического населения на данной территории. Все эти признаки характерны для Болгарского городища X – первой половины XI в.» (с.15). Похвально стремление диссертанта придать высокий статус Болгару начального этапа его истории, однако подобный вывод должен быть подкреплён анализом археологического материала. Насколько мне известно из доступных публикаций и материалов, представленных в экспозиции музея г. Болгар, материалы раннего времени немногочисленны и не дают оснований для столь глобальных суждений.

Во втором разделе первой главы представлены исследования динамики городской территории с использованием методов географических информационных систем (ГИС). Несомненной заслугой автора,

использовавшего стратиграфическую шкалу Болгарского городища, разработанную в ходе археологических исследований 40-60 гг. XX в., является выделение верхнего горизонта золотоордынского периода (конец XIV – первая половина XV вв.). Д.Ю. Бадеев значительно дополнил базу данных, в которую была включена информация о содержании культурного слоя, объектах и находках хроноиндикаторах из более чем 200 раскопов. К сожалению, конкретное содержание этой базы осталось за рамками работы. Диссертант не указывает, какие именно находки выбраны в качестве хроноиндикаторов для каждого периода, в каком количестве они представлены, что понимается под объектами.

Для выбранных категорий на каждый из шести рассмотренных периодов существования Болгара диссертантом было составлено по 4 карты-схемы. По мнению Д.Ю. Бадеева, они позволяют судить о масштабах распространения культурного слоя, характере использования различных участков, наличии и плотности застройки. Вопросы к этому разделу работы можно сформулировать на конкретном примере домонгольского слоя VI (X – начало XI в.). Карта-схема распространения домонгольского VI слоя (рис.28), карта-схема распространения объектов домонгольского VI слоя (рис.29), карта-схема распространения находок хроноиндикаторов домонгольского VI слоя (рис.30) не дают представления о характере анализируемого материала. На рис. 28 не выделены участки с различной мощностью и насыщенностью культурного слоя, на рис.29 не отмечены конкретные объекты, которых, очень вероятно, меньше, чем выделенных на карте-схеме участков, из рис.30 остается непонятным, о каком количестве хроноиндикаторов на участках идет речь. Единичные ли это предметы или серии? Наверное, и выводы в зависимости от репрезентативности исходных данных должны различаться. Кроме того, при рассмотрении указанных карт-схем появляются вопросы, на которые в тексте работы ответы также не находятся. Например, как может отсутствовать культурный слой на участках, где выделены объекты этого

времени и хроноиндикаторы? Что тогда понимается под объектами? Таких случаев на рис.28-30 несколько. Эти же вопросы можно задать и применительно к картам других хронологических периодов.

Кроме того, ненужный шум создают многочисленные красные точки, нанесенные на карты-схемы. На первый взгляд, они могли бы отражать распространение какой-то одной категории находок. Однако они имеются на всех без исключения картах-схемах, что свидетельствует скорее о технической ошибке при их составлении.

Вопросы возникают и при рассмотрении заключительной для данного этапа иллюстрации (рис.31) - сводной карты-схемы Болгара X – начала XI в. и его округа на основе распространения находок хроноиндикаторов, объектов и домонгольского VI слоя. На карте не выделены отдельно участки с наличием культурного слоя, объектов или находок хроноиндикаторов, что привело к размытию общей картины. Размещение на схеме линии внутренних укреплений и линии внешних укреплений должно оговариваться ссылкой на мнение Т.А. Хлебниковой. Насколько мне известно, убедительных доказательств принадлежности выявленных участков ровов именно к рассматриваемому периоду никто не привел. Приводимые Денисом Юрьевичем на с.20-23 сведения оставляют возможность отнесения их как в целом к домонгольскому времени, так и к предшествующему именьковскому периоду. Выделение же Д.Ю. Бадеевым таких участков раннесредневекового Болгара как: А – цитадель, Б – укрепленный посад, В – открытый посад, Г – городской пригород нуждается в серьезном дополнительном обосновании.

Несомненной заслугой автора является то, что ему удалось не только проследить и графически представить точки роста территории города, но и, выделив в позднем золотоордынском слое горизонт конца XIV – первой половины XV в., установить точки отрицательной динамики.

Во второй главе Д.Ю. Бадеев рассматривает элементы городской планировки средневекового Болгара.

Глава состоит из четырех разделов, каждый из которых посвящен элементам городской планировки: 1 – рядовая застройка и монументальные сооружения; 2 – улицы средневекового Болгара; 3 – усадьбы; 4 – некрополи средневекового Болгара.

Разбирая постройки раннего периода существования города (X – начала XI вв.) (всего 13 построек), диссертант справедливо отмечает, что юртообразные жилища нельзя связывать с характерными городскими постройками домонгольского периода (с.49). Однако вызывает недоумение следующее утверждение: «...более показательными для планировки раннего периода существования Болгара выступают жилища с заглубленным уровнем пола (не более 60–80 см), тамбурным входом и глинобитной печью в углу. Подобные постройки были зафиксированы в различных частях раннего домонгольского Болгара и его близлежащей округи (раскопы XXXV, CXI, XCVII, CLXXIX, CXCII, CCIVa, ... XLVII, LXVIII) (с.50). Однако, обратившись к работе М.Д. Полубояриновой 2016 года, которая послужила основным источником информации о постройках г. Болгара для Д.Ю. Бадеева, мы увидим, что к этому горизонту, кроме пяти юртообразных построек, М.Д. Полубояринова отнесла всего четыре наземных срубных дома и четыре полуземлянки (Полубояринова, 2016. С.184). Рассмотрим их подробнее, пользуясь описанием М.Д. Полубояриновой:

Полуземлянка. «№9. Сооружение №4 (сильно нарушено) представляет собой котлован 2,5х2,0 м, глубиной 1,2 м... Стены облицованы частоколом... В центре сооружения - яма от столба..., на который, видимо, опиралась кровля... В восточной стене отмечен перерыв в облицовке шириной 0,84 м, здесь, по видимому, был вход в жилище... На полу прослежено несколько пятен прокала, которые указывают на возможные места очагов или жаровен...» (Полубояринова, 2016. С.25-26).

Полуземлянка. «№23. Сооружение №2 – прямоугольный котлован (вскрыт частично). Глубина не известна. Имеются столбовые ямы диаметром

0,2 м... На полу след очага – прокаленное пятно диаметром 0,5 м...» (Полубояринова, 2016. С.36).

«№24. Сооружение №17. На уровне материка прокаленное пятно очага диаметром 50 см... Столбовая яма диаметром 20 см... Это жилой комплекс со столбовой конструкцией стен и разными уровнями пола...» (Полубояринова, 2016. С.36).

«№29. Сооружение №1 – котлован площадью 3,6 х 2,75 м, глубиной 0,96 м.... Углы котлована закруглены... Найдены два очага. Один овальный, обложенный красным песчаником, помещался у стены напротив входа... Второй – у северо-восточного угла... состоит из мелких прокаленных обломков песчаника на пятне прокала диаметром 0,56 м...» (Полубояринова, 2016. С.44).

Деревянные наземные дома:

«№41. Сооружение №1 – вскрыто частично – остатки дома четырехугольной формы. Сохранилось горизонтальное бревно и яма в юго-западном углу...» (Полубояринова, 2016. С.67).

«№59. Сооружение №3а (вскрыто частично) – ряд обугленных плах, лежащих параллельно в направлении СЗ-ЮВ. Стенки подполья облицованы плахами... Пол покрыт вымосткой из бревен... В СВ углу столб диаметром 25 см и завал обожженной глины – печь, провалившаяся в подполье.

Дневной уровень – верх раннедомонгольского слоя. Дата – конец XI в.» (Полубояринова, 2016. С.72).

«№230. Сооружение №13 (вскрыто частично) – прямоугольный котлован площадью 3,5 х ? м. По южной стороне сооружения проходит канавка со следами кольев... В ЮЗ углу столбовая яма» (Полубояринова, 2016. С.135).

«№238а. Сооружение №3 – сохранилось частично в своей северо-восточной части на длину 6,8 м, на ширину 2,6 м... Заглублено в материк на 20 см... В жилище имелись два очага и столбовая яма между ними... Один

очаг ... был выложен кусками красного песчаника, обмазанными глиняным раствором. Другой очаг ... устроен так же: в яму глубиной 20 см уложены плитки красного песчаника, скрепленные глиняным раствором...» (Полубояринова, 2016. С.136).

Таким образом, описание всех восьми сооружений, использованных для выводов в данном разделе, свидетельствуют о следующем:

- 1) В выборке присутствуют жилища с заглубленным уровнем пола более 80 см (у Д.Ю. Бадеева сказано - не более 60–80 см).
- 2) Тамбурный вход зафиксирован лишь в одном из восьми случаев.
- 3) Глинобитная печь в углу, возможно, присутствовала только в одном случае – постройке №59 по списку М.Д. Полубояриновой, но эта постройка относится к более позднему времени, чем представляется диссертанту.

Следовательно, вывод автора о том, что «...более показательными для планировки раннего периода существования Болгара выступают жилища с заглубленным уровнем пола (не более 60–80 см), тамбурным входом и глинобитной печью в углу» (с.50) представляется некорректным.

В следующем разделе Денис Юрьевич анализирует характер и схему расположения улиц средневекового Болгара и делает вывод о том, что уличная система города прошла в своем развитии несколько этапов: на начальном этапе существования города (X в.) – перекрестная система улиц, которая нашла свое отражение в расположении проходов в ранних линиях укреплений. С развитием новых городских территорий и с формированием нового городского центра – Соборная мечеть («Четырехугольник») – происходит и развитие уличной системы: в ранний золотоордынский период – это веерная схема центрического типа, а в поздний – ветвистая система центрического типа, когда улицы несколькими «пучками» расходятся в разные стороны из нескольких центров. Такими центрами в

середине XIV в. выступают монументальные постройки в центральной, подгорной и заречной частях города. Стагнация развития города в 60-70 годы XIV в. приводит к возвращению уличной сети к перекрестной системе улиц.

Несомненно, данный вывод автора основан на серьезном анализе имеющегося материала. Однако и здесь возникает вопрос: достаточно ли фактического материала для реконструкции планировки города на начальном этапе его существования?

Заслуживает пристальное внимание к такому элементу планировки средневекового Болгара, как городские некрополи. Не вызывает возражений вывод автора о том, что динамика изменения расположения городских некрополей Болгара, в первую очередь, оказывается связана с его границами, во вторую, наглядно свидетельствует о направлениях развития города, характере застройки его различных частей, а сами погребения маркируют социальный и религиозный характер тех районов, с которыми они соотносятся.

В третьей главе рассматривается районирование средневекового Болгара. В первом разделе на основе анализа ландшафтной ситуации Д.Ю. Бадеев рассматривает возможность выделения более крупных элементов городской планировки средневекового Болгара – районов. По обоснованному мнению автора, ландшафтно-историческое районирование средневекового Болгара состоит из следующих частей: 1 – заречной и подгорной; 2 – мысовой; 3 – равнинно-балочной; 4 – равнинной (заовражной) части площадки городища. Д.Ю. Бадеев отмечает, что этот принцип районирования практически совпадает с районами золотоордынского Болгара, выделенными методами ГИС на основе расположения общественных бань середины XIV в.

Во втором разделе диссертантом приведена локализация отдельных производств на разных этапах существования города, а также

рассматривается характер организации этих производств, что позволило выделить определенные закономерности в их расположении.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования. Автор отмечает, что пик градостроительного развития средневекового Болгара приходится на золотоордынский период, время правления ханов Узбека и Джанибека. В XIV – начале XV в. Болгар в своем развитии проходит путь, свойственный многим золотоордынским городам. Не вызывает возражений вывод диссертанта о том, что в целом развитие планировочной структуры Болгара происходило в рамках и традициях исламской городской культуры, а архитектурными доминантами для него в период максимального развития выступают исламские архитектурные формы – мечети, мавзолеи, бани, городской базар...

Можно согласиться и с предложенным автором разделением усадебных комплексов на две группы: плотную усадебную застройку в центральной части города с регулярной уличной сетью и иррегулярную, рассредоточенную усадебную застройку на городской периферии. Не подлежит сомнению и вывод автора о том, что процесс складывания квартальной застройки на территории Болгара оказывается прерванным трагическими событиями периода «замятни» в Золотой Орде, которые также задели и территорию Средней Волги.

Основные положения работы Д.Ю. Бадеева нашли отражение в 20 публикациях, в том числе семи, опубликованных в рецензируемых изданиях в соответствии с требованиями ВАК и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Необходимо только отметить, что в некоторых публикациях из приведенных в списке (№17, 20) не полностью и не точно указаны выходные данные.

Автореферат соответствует тексту диссертации.

Несмотря на имеющиеся замечания, необходимо отметить, что диссертационная работа Бадеева Дениса Юрьевича «Планировка

средневекового Болгара (X – XV вв.)» представляет собой законченное научное исследование, соответствующее требованиям «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Денис Юрьевич Бадеев заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – археология.

Кандидат исторических наук,
ученый секретарь ГБУК «Самарский областной
историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина»

Д.А. Сташенков

Подпись Д.А. Сташенкова заверяю

16.03.2020 г.

Государственное бюджетное учреждение культуры «Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина».
443041, г. Самара, ул. Ленинская, 142. Тел. (846)333-25-19.
e-mail: archeo@list.ru.